

Черкесы встѣдъ за мной спѣшили
И казаковъ моихъ убили,
И вѣрный конь подъ мною палъ.
Спасти, убить врага ночью,
Равно ты можешь. Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!“
— „Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь—садись и грѣйся“.

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была,
Свѣтила на небѣ блисталя,
Луна за облакомъ спала,
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали
У князя новыя мечты:
Онъ ему напоминали
Давно знакомыя черты.
То не игра воображенья!
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаиль:
— „Ты молодецъ, вижу я. За славою
Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой.
За что завистливой рукой
Вы возмущили нашу долю?
За то, что бѣдны мы, и волю,
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы холодно!
Не бойся, говори смѣлѣй:
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ,
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?“

XXII.

„Ты ошибаешься, черкесъ!“
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
„Новѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
И водопадъ, и темный лѣсъ;
Съ восторгомъ ваши лѣды я вижу,
Встрѣчая пышную зарю,
И ваше племя я люблю;
Но одного я ненавижу:
Черкесъ онъ родомъ, не душой,
Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой—
Себѣ, а въ князю Измаилу
Клялся я здѣсь найти могилу...
Къ чему опять ты мрачный взоръ
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мнѣ укоръ;
Но выслушай, ты все узнаешь,
И самъ досадой запылаешь“.

XXIII.

„Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ русскій войскъ Измаиль,
Но, образованный межъ нами,
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ видѣть былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался:
Для нашихъ женщинъ—онъ былъ ядъ!
Воспламенивъ воображеніе,
Повѣлывалъ онъ безъ труда,
И за проступокъ наслажденъ
Не почиталъ онъ никогда;
Не знаю, было то презрѣнье
Къ законамъ стороны чужой,
Или испорченныя чувства...
Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился, какъ игрой;
Но избѣгать его искусства
Не удалось ни одной.“

XXIV.

„Черкесъ! видаль я здѣсь прекрасныхъ
Свободы нѣжныхъ дочерей:
Но не сравню ихъ взоромъ страстныхъ
Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
Ты не любишь!.. Ни словъ опасныхъ,
Ни устъ волшебныхъ не знавалъ:
Будрами дѣвы золотыми
Ты въ упоеньи не игралъ;
Ты клятвамъ страсти не внималъ
И не былъ ты обманутъ ими...
Но я люблю!.. Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Неволью къ безднѣ подводила...
И ждалъ я счастливаго дня!
Своей невѣстой дорогою
Я смѣлъ ужъ ангела назвать,
Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
И съ райской дѣвой забывать,
Что рая нѣтъ ужъ подъ луною.
И вдругъ ударилъ страшный часъ—
Причина долголѣтней муки:
Призывъ войны, отчизны гласъ,
Раздался вѣстникомъ разлуки.
Какъ дымъ, разсыпались мечты...
Тотъ день я буду помнить вѣчно...
Черкесъ, черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
Ни съ кѣмъ не разставался ты?..“

XXV.

„Въ то время Измаиль случайно
Невѣсту увидалъ мою,
И страстью запыхалъ онъ тайно.
Межъ тѣмъ, какъ въ дальномъ я краѣ
Искалъ въ бояхъ конца, иль славы—
Сластолюбивый и лукавый,